

Нёман

5/2017
МАЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Микола ЧЕРНЯВСКИЙ. «И весною взойду...»	
<i>Повесть о друге. Перевод с белорусского Н. Чайки...</i>	3
Микола МЕТЛИЦКИЙ. Искринки негасимого огня.	
<i>Стихи. Перевод с белорусского Г. Киселева</i>	39
Лиза БИРГ. Кукольная. Рассказ	43
Елизавета ПОЛЕЕС. Быть женщиной. Стихи	46
Екатерина КАРПОВИЧ. Марсель. Рассказ	51
Александр ЧУБАРОВ. И незримы Божии пути... Стихи	72
Олег ЖДАН-ПУШКИН. С гордостью и печалью. Очерк	76
Надежда ДМИТРИЕВА. Цветок заморский. Стихи	85

Наследие

Микола ТРУС. Официальное чествование	
Адама и Максима Богдановичей в 1923 году	86
Из Минска в Ярославль: письма Адама Богдановича к сыну Павлу.	
<i>Подготовка текста и комментарии М. Труса</i>	88
Максим БОГДАНОВИЧ. Так сияй же, звезда негасимая!	
<i>Стихи. Перевод с белорусского А. Циркунова</i>	90

«Всемирная литература» в «Нёмане»

Десмонд БЭГЛИ. Бегущие наобум. Роман.	
<i>Окончание. Перевод с польского В. Кукуни</i>	96
Зинаида КРАСНЕВСКАЯ. Пантеон женских сердец.	
Дафна дю Морье	144

Вне времени

Елена ГОВОР. Белорусские анзаки. Окончание	156
---	-----

Литературное обозрение

Искусство суждения

Анатолий АНДРЕЕВ. Оправдание перед историей,	
или На круги своя	174

С точки зрения рецензента

Инесса МОРОЗОВА. Проза жизни	182
Татьяна БУДОВИЧ-БОРОДУЛЯ. «...Дзе ты хадзіла і жыла!»	187

Напоследок

Имена

Что такое полная гармония?.. Интервью с Владимиром Липским.

Беседовал К. Ладутько 189

Авторы номера 192

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звезда»

Заместитель директора – главный редактор
Алексей Иванович ЧЕРОТА

Редакционная коллегия:

*Вадим Гигин, Наталья Голубева, Олег Пушкин (редактор отдела прозы),
Алесь Карлюкевич, Александр Коваленя, Тамара Краснова-Гусаченко,
Владимир Макаров, Владимир Мозго (зам. главного редактора), Роман Мотульский,
Геннадий Пашков, Михаил Поздняков, Елена Попова,
Анатолий Сульянов, Николай Чергинец*

Адрес редакции

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
e-mail: info@zvyazda.minsk.by

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Тел.: главного редактора — 284-85-25, заместителя главного редактора — 284-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: netaim-lim@mail.ru

Подписные индексы:

74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 10.12.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель

Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звезда»

Директор – главный редактор
Павел Яковлевич СУХОРИКОВ

Технический редактор, компьютерная верстка: *С. И. Староверова*
Компьютерный набор: *Е. Г. Кахновская*
Стильредактор: *Н. А. Пархимович*

Подписано в печать 15.05.2017. Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,80. Уч.-изд. л. 17,08. Тираж 1514. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция только сообщает автору свое решение.

Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.

Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

© Министерство информации Республики Беларусь, 2017

© ОО «Союз писателей Беларуси», 2017

© РИУ «Издательский дом «Звезда», 2017

Елена ГОВОР

*Белорусские анзаки**

Устин по прозвищу Ю-и

Барбара Гловацкая на мой вопрос «Каково приходилось россиянину в австралийской армии?» саркастически рассмеялась: «Чертовски плохо, судя по тому, что я слышала от отца... Он был интеллигентным человеком, а они сделали его денщиком, потому что, конечно, у него были проблемы с языком, и они никак не могли разобраться, русский он или немец. Они даже его имя не могли написать правильно. Еще в лагере, когда они тренировались, он перепутал правую и левую ногу. Вот тогда он и получил свою кличку Ю-и (Yuhi), которая возникла от окрика «Ты, тут!» ('You here!'). Они никогда не слышали имя Устин, вот и начали обращаться к нему «Ты, тут!», а потом сократили до Ю-и. Он любил это имя. Сохранил его и во время Второй мировой войны. Все друзья звали его Ю-и». Действительно, через австралийские документы проходит внушительный список имен Устина: он въехал в Австралию как Inshitin Growatshiki, в армии служил как Usten Glavasky, натурализовался как Justyn Glowacki и умер как Justin Glowacki. С злоключениями фамилий Виселенского и Майко мы уже познакомились; такие же приключения происходили и с другими именами: фамилия Павла Зиневича писалась в трех вариантах: Zenewich, Zemewich, Zinevich; фамилия Болеслава Збыковского — в четырех: Zebekovski, Zbecovsky, Zbicously, Zlicousky.

Но как видно из рассказа Барбары, отношение солдат к несовершенному английскому их российских сослуживцев было скорее юмористическим, чем насмешливым. Недаром ее отец полюбил свою армейскую кличку. Леон, сын Фавста Леошкевича рассказывает: «Как мой отец справился с английским языком в армии, оставалось для меня тайной, пока он не рассказал мне о человеке, с которым там подружился: тот был учителем до войны и много занимался с моим отцом».

Отношение австралийских властей к россиянам, вступающим в Австралийскую армию, на первых порах было доброжелательным — ведь Россия была их главным союзником. Их принимали даже без натурализации, да и на слабое знание английского языка смотрели сквозь пальцы. В отношении уроженцев Беларуси мне встретилось всего несколько случаев чрезмерной бдительности. Так, Петру Виселенскому при вступлении в армию пришлось подписать под присягой такое заявление: «Мой отец и мать родились в России. Я родился в России. Среди моих предков не было немцев, австрийцев, болгар или турок». А вот Алексей Копин, плотник, приехавший в Австралию через Дальний Восток, несмотря на натурализацию в Австралии, попал под подозрение. Он указывал местом своего рождения Польшу, хотя отец его жил в Минске и его друзьями были русские. Наличие у него писем «на каком-то иностранном языке» и ножа вызвало подробное разбирательство у властей тренировочного лагеря в Сеймуре (Виктория), где он вступил в армию. Командующий лагеря взывал к штабу: «Неужели ничего нельзя сделать, чтобы воспрепятствовать вступлению этих иностранцев в австралийскую армию, особенно в такие технические подразделения, как пулеметные, в которых человек должен быть более развитым, чем в других подразделениях?» И добавлял, что

* Окончание. Начало в № 4 за 2017 г.

«Копин имеет типично немецкую внешность». Копина уволили из армии, о чем он и сам к тому времени просил, а через несколько дней дело было уже в руках службы разведки. Начальник разведки в Виктории сообщал своим коллегам в Квинсленде, куда направлялся Копин: «Он предъявил мне свои бумаги, и это убедило меня, что он русский поляк, натурализовавшийся в 1914 г., но я препровождаю вам информацию о том, что он почти завершил строительство лодки 34 фута длиной, которую собирается использовать, а я всегда отношусь подозрительно к русским, похожим на немцев, которые попадают в Сеймур, изучают пулеметное дело, а потом увольняются из армии». Комментарии, как говорится, излишни. Неясным остается только, куда, по мнению разведки, Копин мог поплыть на своей лодке...

Отзвуки подобных подозрений слышатся и в семейном предании Деонков. Петер, внук Вильяма Деонка, героя Галлиполи, считает, что хотя его дед получил Военную Медаль, «не будь он гефо» (т. е. иммигрантом), он бы получил более высокую награду. Особенно подозрительным стало отношение к россиянам после Октябрьской революции. Ведь выйдя из войны, Россия в одночасье стала для союзников врагом едва ли не большим, чем Германия.

Но в то время как командование «вычистило» из армии нескольких россиян, в том числе и нашего Устина Гловацкого, и отправило их до срока в Австралию, отношение сослуживцев к ним было совсем другим. Например, Фавст Леошкевич к этому времени уже успел стать настоящим анзаком, своим парнем, который за словом в карман не лезет, не теряет присутствия духа в самую тяжелую минуту и умеет пошутить в самый критический момент. Леон рассказывает: «Во время боя моего отца ударило взрывной волной так сильно, что всю одежду с него сорвало. Когда он пришел в себя, ему ничего не оставалось, как снять одежду с трупов, лежавших рядом с ним, потому что холод был собачий. В таком наряде он и двинулся в сторону наших окопов, пока не наткнулся на свой взвод. На нем были короткие брючки, французская серая шинель, английский шлем, и в довершение ко всему, немецкое ружье. Увидев своих, он закричал: “Вот этим ружьем я их всех взял в плен!” Ну и смеялись же они, эта история стала их любимой байкой!» Неудивительно, вспоминает Леон, что его отец «всегда говорил, какими чудесными людьми были наши ребята в армии, солдаты, обычные солдаты. Он так считал, потому что, когда в России произошла революция, никто не говорил с ним об этом, и он думал, что это было просто замечательно». Не колоть глаза товарищу тем, за что он не может нести ответственности — оказывается, это так много, что и сейчас, 86 лет спустя, его сын не может без волнения говорить об этом... Это и было легендарное австралийское боевое братство («mateship») в действии, которым так гордятся анзаки.

Фавст Леошкевич

Архив фотографий, сохранившийся в семье Осипа Рынкевича, рассказывает именно об этом. Вот первые снимки, сделанные в лагере в Брисбене, еще до отправки на фронт. Осип, в военной форме, позирует с группой своих русских товарищей, с которыми он познакомился уже в лагере. А на фронтовых снимках, которыми он обменивается со своими сослуживцами, портреты русских анзакв перемежаются с его австралийскими друзьями. Об армейской дружбе отца вспоминает и дочь Александра Майко: «Эллиот Смит был его другом с армейских времен, и они остались друзьями на всю жизнь».

Включение в это братство не приходило сразу, его надо было завоевать, сражаясь бок о бок со своими австралийскими товарищами. Именно об этом и будет наша следующая история.

Анзак Гарри

Как иностранцы, как чужаки россияне в Австралийской армии всегда легко попадали под подозрение, но бурный 1917 год с отречением царя и захватом власти большевиками, за которыми последовал Брест-Литовский мирный договор России с Германией, сделал положение их особенно уязвимым. И здесь я хочу вновь вернуться к судьбе Хаима Самойловича Платкина, театрального импресарио, приехавшего в Австралию с труппой артистов накануне войны. Он развил кипучую деятельность в Австралии, организуя сбор пожертвований на военные цели и способствуя патриотической пропаганде. Он даже пытался организовать русскую военную часть в составе Австралийской армии. После того как этот план потерпел неудачу, Платкин решил вступить в армию сам и был направлен в школу унтер-офицеров в Дантроне (в будущей Канберре). Но, рассказывает он, «к тому времени новости о русской революции дошли до Австралии, и стало очевидным, что раньше или позже Россия выйдет из игры. Учащиеся школы унтер-офицеров из-за этого стали меня бойкотировать, и мне пришлось отказаться от учебы там». В составе подкреплений к полевой артиллерии Платкин отправился на фронт рядовым, надеясь, что там он сможет работать в качестве переводчика (он знал восемь языков). «К сожалению, — продолжает он, — к тому времени, когда нас привезли в Англию, Россия заключила сепаратный мир. Мои сослуживцы сочли своим долгом вымещать свое недовольство на мне. Едва ли стоит писать о том, как со мной обращались... Они неизменно обзывали меня русским анархистом, русским шпионом и вообще держали под подозрением». Тот факт, что Платкин был интеллигентом, для которого главным оружием было слово, а не пулемет, подливало масла в огонь. Отзыв командира его батареи был прямо в точку: «Он абсолютно бесполезен в качестве пулеметчика, будучи и неспособным, и ненадежным». Не только бойцы не доверяли ему. В феврале 1918 года, когда подкрепление Платкина ждало отправки на Западный фронт в Англии, военное министерство в Лондоне было взбудоражено, обнаружив, что «некоторые австралийские солдаты вступили в контакт с мистером Литвиновым, представителем большевиков в Англии», и что среди этих солдат был Платкин, «жаловавшийся на то, как с ним обращаются в его части». Тут уж забеспокоился штаб Австралийской армии в Лондоне, предположив, что Платкин «получил от Литвинова циркуляры». Этот визит усилил подозрительное отношение австралийцев к Платкину.

Платкин, иммигрировавший в Англию из Беларуси еще в конце XIX века и ассимилировавшийся больше, чем многие российские анзаки, был известен под англазированным именем Эдвард Платт, но в начале войны он почувствовал себя патриотом России и вступил в армию под своим давно забытым именем Хаим Самойлович Платкин, как россиянин. Теперь, доведенный до отчаяния, он вспомнил о своем последнем козыре — о своих этнических корнях: «Узнав о формировании Еврейского батальона и исповедуя иудейскую веру, я, естественно,

Несостоявшийся анзак Хаим Платкин.

очень хотел бы, чтобы меня перевели в это подразделение», — писал он своему командиру и просил, чтобы «ему дали возможность умереть достойной смертью среди его народа». Командир отнесся к его словам довольно саркастично, но в конце концов Платкина уволили из Австралийской армии, с тем, чтобы он вступил в Еврейский батальон.

...Этот рассказ ставит, как кажется, все точки над *i*. Перед нами человек, обреченный быть вечным изгоем, отвергнутый анзаками, да и сам разочаровавшийся в Австралийской армии. Мне не удалось найти никаких сведений о его возвращении в Австралию после войны, и я часто думала о том, как же могла сложиться его жизнь дальше. Неожиданно в архивном досье обнаружилась следующая корреспонденция, появившаяся в одной из австралийских газет в июне 1948 года:

«В арабском лагере для интернированных Баалбек (Сирия) находится “Анзак Гарри”, раненный в Галлиполи во время службы в составе артиллерийского подразделения Австралийской армии. “Анзак Гарри”, настоящее имя которого Гарри Платкин, родился в России и приехал в Австралию с цирком Виртса перед Первой мировой войной. Насколько мне известно, он натурализовался перед вступлением в Австралийскую армию. Был демобилизован в Египте, откуда отправился в Бейрут (Сирия), где он открыл бар “Анзак Гарри” на набережной. Во время Второй мировой войны он пожертвовал 10 тысяч фунтов в фонд Спитфайе. Его бар был первым местом, куда заходили утолить жажду бойцы 7-й Дивизии, сражавшейся в Сирии и захватившей Бейрут. Если диггер был на мели, то в «Анзаке Гарри» он всегда мог получить выпивку за счет хозяина... Гарри обвиняют в сионизме... Он на самом деле христианин и не интересуется сионизмом».

Корреспонденция заканчивалась призывом к австралийским ветеранам «обратиться к ливанским властям», чтобы помочь их попавшему в беду товарищу. Это было сделано незамедлительно, и вскоре офисы премьер-министра, министра

иммиграции и министра иностранных дел, а также верховный австралийский комиссар в Лондоне оказались вовлеченными в историю нашего «анзака». Постепенно выяснилось, что он вступил в Австралийскую армию много позже героических боев в Галлиполи, что австралийские власти отказали ему в натурализации в 1917 году (и ему об этом было послано письмо и в Австралии, и позже, когда он поселился в Сирии после Первой мировой войны), что он был «владельцем пресловутого питейного заведения, которое имело большой оборот среди британских войск во время последней войны до тех пор, пока британские военные власти не прикрыли его из-за нарушения правил торговли» и т. д., и т. п.

Но только ли о русском еврее без гражданства, выдававшем себя за героического анзака, эта история? Она и об австралийцах, отвергнувших его, о том, что этот человек, от одной мировой войны до другой, пытался, пусть хотя бы в своем воображении, возместить то, от чего они отлучили его. И он готов был даже бесплатно поить молодых солдат за право зваться «Анзаком Гарри».

Из лагеря для интернированных его освободили в 1949 году; как сложилась его жизнь дальше — неизвестно.

После войны

Итак, война была окончена, и тысячи австралийских солдат, в том числе и наши белорусские анзаки, возвращались в Австралию, к мирной жизни. Для многих она на первых порах оказалась совсем не простой. Среди проблем были безработица, подозрительное отношение ко всем россиянам как к революционерам, запрет на возвращение в революционную Россию и на натурализацию. Последнее, правда, российских анзаков не касалось, но прежде чем они могли натурализоваться, им приходилось подвергаться полицейской регистрации по месту жительства. При переезде из одного места в другое они должны были являться в полицейский участок и заполнять учетную карточку. Парадоксально — когда они были на фронте, им доверяли оружие и жизнь их товарищей, им даже доверяли служить в австралийской военной полиции, как Вильяму Деонку, но как только они ступали на землю Австралии, они снова становились чужими, потенциально подозреваемыми. Более того, унижительной процедуре полицейской регистрации подлежали теперь не только сами русские, но и их жены, родившиеся в Англии или в Австралии. Так произошло, например, с нашим героем Вильямом Деонком. Прибыв в Австралию, он вынужден был регистрироваться в полиции и подвергнуть этой унижительной процедуре и свою молодую жену — по дороге с Западного фронта в Австралию он успел жениться на англичанке.

Для историка, однако, эта полицейская регистрация — бесценный клад. Пожелтевшие карточки позволяют проследить занятия и миграции наших героев вплоть до 1921 года, когда она была отменена. Вот, например, Петр Сребаль из Виленской губернии: на Западный фронт он не попал, его отчислили из армии из-за болезней и преклонного возраста, ему было под 50. Начало 1918 года застаёт его в Кэнангре, к югу от Брисбена. Он ненадолго заезжает в Брисбен, останавливаясь в русском пансионе Степановых, и отправляется в Дженлиа, на строительство железной дороги. Не найдя там работы, подается в Валумбиллу. Через несколько месяцев он опять заезжает к Степановым в Брисбен и устраивается на ферме под Брисбеном. В начале 1919 года переезжает в горный район Самсонвале, возможно, подрядившись расчищать лес для фермы, а в июне, заехав к другой русской семье в Брисбене, Олейниковым, едет на север, в Таунсвил, рубить тростник. В конце года, к Рождеству, он возвращается в Брисбен. Неудивительно, что после нескольких лет такой кочевой жизни он покинул Австралию при первой возможности, как только русских стали выпускать из страны в 1921 году. Передвижения Устина Гловацкого тоже имели Брисбен своим центром; на протяжении 1918—1921 гг. он работал на строительстве дорог, поваром, садовником и корабельным

стюардом, перемещаясь между Брисбеном, Кулангаттой и Тувумбой. Наконец, в 1927 году он нанялся на корабль, шедший в Лондон. Вскоре он окажется в Польше, недалеко от своей родины — Жабинки под Брестом. Сходным образом кочевал и Болеслав Збыковский из Бреста, который пытался вступить в армию в 1916 году, но был отчислен.

Часто только женитьба могла изменить кочевой образ жизни русских. Андрей Жабинский, бывший инженер из Борисова (под Минском), был уволен из армии в Лондоне из-за злокачественного заболевания, в 1919 году вернулся в Австралию после непродолжительной работы в оборонной промышленности в Англии. Следующие два года он провел, кочуя между Рокхэмптоном, Маунт Морганом и Бабиндой, скорее всего, занимаясь рубкой тростника. О последующих годах его жизни сведений нет, но в 1928 году он перебрался в

*Устин Гловацкий после войны в Брисбене
с русскими девушками.*

Ньюкасл, где женился на австралийке, у них родилась дочь Клавдия, и он начал работать в горнорудной компании как механик. В 1939 году подал заявление на натурализацию; его подпись, выведенная дрожащей рукой, свидетельствует о том, что он был тяжело болен, но благодаря заботам семьи ему досталось еще несколько лет мирной спокойной жизни, и он умер только в 1951 году.

«Березина» среди эвкалиптов

Александру Майко, после полутора лет в госпиталях, кочевая жизнь оказалась не по силам. «Я попробовал несколько работ, но не мог на них удержаться, так как моя рана открывалась каждые три месяца», — вспоминает он. Этот кусок шрапнели так и останется у него в груди на всю жизнь, доставляя ему неизмеримые страдания, но он будет молчать об этом.

...Годы спустя его вдова Флоренс Мэй расскажет о повседневном героизме Александра в письме их детям, которое они должны были открыть после ее смерти: «Я только теперь осознала, каким отважным человеком и верным товарищем был ваш отец. Это пришло как озарение, когда я думала о нашей с ним жизни. Меня всегда беспокоило, что он был заядлым курильщиком, и я считала, что это ему очень вредит после его ранения. Он всегда сводил это к шутке и говорил, что курит, чтобы во рту было приятно. И я вспомнила, как однажды он уже лежал

в госпитале, а я сидела у его кровати. Он откашлялся с большим количеством мокроты и скривился. И на мое замечание о том, что, наверно, вкус во рту очень неприятный, сказал: «Никто никогда не узнает, насколько это противно, и этот вкус никогда не исчезает...» Я не поняла тогда то, что я так ясно осознала теперь. Он курил, чтобы заглушить этот ужасный вкус. Никогда не жаловался, и это был единственный раз, когда он заговорил об этом».

Но вернемся к рассказу Александра:

«В 1920 году я купил 15 акров буша в Спрингфилде около Госфорда. Расчистил половину участка и посадил апельсиновые деревья. Я раньше никогда не видел, как выращивают апельсины. В Спрингфилде купил собаку для компании. Построил сарай 16х7 футов. Пол я сделал из ящиков, и под ним развелись крысы. Кровать я устроил из проволочной сетки, натянутой на колышки. ...Многие давали мне советы, но позже я понял, что это были болтуны, которые сами ничего не имели и ничего не могли сделать, чтобы улучшить свою жизнь. И вот я расчистил несколько участков земли и посадил картошку и капусту. Картошка, когда выросла, стоила всего 2 шиллинга 6 пенсов за 100 фунтов веса, и за такие деньги ее не стоило и копать. Я уже думал бросить это место, но тут мне подвернулась работа за 3 фунта 12 шиллингов неделю. Это немного поправило мои дела. Я проработал 15 месяцев. Во время выходных построил себе сарай побольше, а потом снова попал в госпиталь в Рэндвике на четыре месяца. Когда вышел из госпиталя, я не стал наниматься на работу, а начал работать на себя. Дела у меня тогда шли неплохо, и я сдал 2 с половиной акра под расчистку. Летом выращивал помидоры, а зимой продолжал расчистку и сажал цитрусовые деревья. В 1923 году начал строить трехкомнатный дом».

Так извечная мечта белорусского крестьянина — зажить своим домом на своей земле — сбылась для Александра Майко в Австралии, среди холмов, заросших эвкалиптами. С этого времени эта страна действительно стала для него домом. Вскоре женился на австралийской девушке Флоренс Мэй. Он вспоминает о тех временах: «Наша мебель состояла из кровати, туалетного столика, стола и нескольких самодельных стульев. У нас с Мэй родилось двое детей, и мы закончили строительство дома. В январе 1927 года мы продали наш участок, на котором к этому времени уже росло 700 цитрусовых деревьев». После этого они попытались добиться успеха в качестве хозяев фруктового магазина в Сиднее и пережили депрессию на новой ферме под Сиднеем. В 1934 году завели птицеферму, взяв небольшой участок, заросший бушем под Госфордом. И снова он расчищал лес и строил дом... Но в его жизни была не только работа — два раза они устроили себе отпуск: в 1931 году провели несколько недель в Мельбурне, а в 1939 году — в Брисбене. В 1960 году, незадолго до своей смерти, он отложил небольшой капитал для учебы своих детей, им предстояло осуществить его мечту о лучшей жизни, которая не досталась ему. Но все-таки, по большому счету, это была счастливая жизнь, такая же счастливая, как и у его австралийского собрата Берта Фейси, который в это же самое время расчищал лес под свою ферму на другом конце Австралии, под Пертом.

Наши анзаки и их австралийские собратья по оружию по существу были последним поколением австралийских пионеров, которым довелось осваивать австралийскую целину. Незримые нити все больше привязывали их к этой суровой и прекрасной земле и ее людям. Часто они были единственными россиянами на сотни миль вокруг, и именно по ним их соседи составляли представление о русских. Петр Виселенский выбрал участок в садоводческом солдатском поселении в Ред Клиф около Милдьюры; полицейский в своем отчете о нем отмечал, что «он единственный русский в этом районе». Семен Сучков расчищал землю под свою ферму на северо-западном побережье острова Тасмании, около поселка Эдит Крик; здесь он выращивал табак. Дорога, проходившая мимо его фермы, так и называется: «дорога Сучкова». В свободное время писал под псевдонимом Спад Мэрфи; в тасманийском архиве мне удалось обнаружить его рассказ на

деревенскую тему «Король картошки». Рассказ написан на английском языке, но действие его могло происходить и в его родной Беларуси, где жизнь крестьянина зависела от урожая картошки. Человек культурный, с широким кругозором, он часто поднимал в своих письмах в местные газеты философские вопросы, например, о сопряжении высшей и индивидуальной свободы или о толпе и организации, и любил, говоря о местных проблемах, провести литературные параллели. В то же время его выступления в печати по различным вопросам, волнующим окрестных жителей — о дорогах и о земельном законодательстве, о местной школе и о защите прав фермеров, — сделали его настоящим борцом за права австралийского «маленького человека».

Осип Рынкевич, вернувшись с войны, поселился на тропическом севере Австралии, в Иннисфейл; он тоже мечтал о своей ферме, но еще лет двадцать ему пришлось порубить сахарный тростник, в остальное время работая на постройке железных дорог. Только после Второй мировой войны он смог купить землю в тропическом лесу на берегу океана и завести там птицеферму. Кроме того, у него была и устричная ферма на прибрежном островке Данк. Теперь это все заповедники, Мекка туристов со всего мира. Для Осипа же, хотя он и полюбил природу жаркого севера Австралии, на первом месте стоял труд. Он считал, что дело мужчины обеспечивать свою семью. Характерно, что Осип завещал все свои владения двум внукам, а внуку ничего не оставил, потому что, пишет его внучка Мари, «по мнению деда — дело мужчины обеспечивать женщин, и мой брат, будучи мужчиной, должен был сам проложить свой путь в жизни и обеспечить себя и свою будущую семью».

Да, работа на австралийской земле была тяжелым трудом, тяжелым и часто рискованным. Петр Виселенский в годы Второй мировой войны взял новый участок земли — 325 акров в восточном Гипсленде. 40 акров земли, вдоль реки Тамбо, были расчищены, а остальную землю покрывал первозданный лес. Для детей здесь был рай, и Петр был первоначально рад этой «новой земле». Но тут последовали неудачи одна за другой — засухи, проблемы со здоровьем (Петр сломал ногу и перенес несколько операций), да и старший сын Кевин, находясь на фронте, не мог ему помогать как прежде. «Я была слишком мала, чтобы понять, что происходило, — вспоминает его дочь Маргарет, — но я помню, как мать и отец расстраивались, когда приходили письма с красной полосой. Банк отказал им в помощи, и все пошло с молотка. Это было самое печальное событие в нашей

Свадьба Осипа Рынкевича.

жизни, я до сих пор не могу вспоминать о нем без слез. Мы потеряли буквально все». наших анзаков можно было найти во всех уголках Австралии. Томас (вероятно, Фома) Тарасов из Минска, прошедший всю войну в саперном батальоне, работал на шахтах Маунт Моргана и Маунт Айзы в жарких внутренних районах Квинсленда до тех пор, пока не заболел туберкулезом. Джон Матвейчик тоже работал в Квинсленде, сначала на угольной шахте под Ипсвичем, а потом плотником на ферме в Капалдо. Иосиф Мирский всю жизнь проработал пекарем в Брисбене, Исаак Прусов — столяром в Сиднее. Бывшим морякам тоже вскоре пришлось искать работу на суше. Вильям Деонк стал маляром и декоратором в Сиднее, еще трое моряков осели в Мельбурне — Зиневич был носильщиком, Пашкевич — рабочим, а Леошкевич — водителем трамваев. Но их морское прошлое все еще живет в рассказах их детей. Леон Леошкевич вспоминает: «На корабле отец научился шить и чинить паруса, и после войны ему пригодилось это мастерство, когда его взяли чинить брезентовые покрытия в железнодорожных мастерских». Дороти Деонк тоже рассказывает, что, когда она родилась, отец сам шил ей пеленки и распашонки. «Для меня это одно из самых дорогих воспоминаний», — прибавляет она. Бронислав Кретович из Виленской губернии, который тоже не попал на фронт по состоянию здоровья, проработал всю жизнь инженером-механиком в Мельбурне. Зиневич, выйдя на пенсию, в 1959 году перебрался с женой-англичанкой в Англию, поселившись на берегу столь любимого им моря в городке Хайклиф.

Самого большого успеха достиг Норман Майер. По окончании войны он вернулся в Австралию и вошел в семейную компанию «Майер Эмпориум». Он начал с должности простого продавца и позже, в интервью 1948 года, рассказывал, что работать под начальством его дяди, Сиднея Майера, было совсем не просто. Но в начале 1950-х годов Норман мог с гордостью сказать: «Я являюсь председателем и управляющим “Майер Эмпориум”, предоставляя работу 10 тысячам человек. В сфере розничной торговли это самое крупное предприятие в Британской империи».

Судьбу нескольких уроженцев Беларуси после войны проследить так и не удалось. Алексей Копин, попавший под подозрение австралийских властей и отчисленный из армии, в конце 1917 года отправился в Россию. Как сложилась его судьба дальше — неизвестно. Мариан Адамцевич, моряк, после того как его отчислили из армии по медицинским показаниям, отправился в Америку, продолжая работать кочегаром. Исчезает из австралийских документов и Федор Лейко, вероятно, он покинул Австралию. Вернулся на родину после демобилизации в Австралии и Джордж Гурасов. Разыскивая сведения о его судьбе, я нашла информацию о его односельчанине — Михаиле Алексеевиче Юрасеве 1872 года рождения. Вполне вероятно, что это был его брат, ведь отца Джорджа звали Алексей, а с трансформациями белорусских фамилий в Австралии мы уже познакомились. Михаила Юрасева, крестьянина-единоличника из села Палуж, арестовали и расстреляли в 1937 году.

Тем же, кто остался, предстояло построить свой дом в Австралии. И здесь, как мы уже видели на примере семьи Александра Майко, важную роль играли их жены. Некоторые из наших анзаков — Деонк и Зиневич — встретили своих суженых еще во время войны, в Англии, пока были там в госпиталях. И те не побоялись отправиться с этими чужаками в неизвестность, в Австралию. Другие — Виселенский, Жабинский, Леошкевич — женились на австралийках. Виселенский, например, встретил свою будущую жену сразу после демобилизации в Мельбурне и вскоре женился. «Любовь покоряет все», — коротко комментирует их дочь Маргарет. Однако Петр в то время так плохо знал английский, что когда родилась их старшая дочь, Петр, не поняв вопрос медсестры, как записать его дочь, сказал имя своей жены, в то время как они хотели назвать ребенка совсем другим именем. Так у дочери оказалось два имени — одно в документах, а второе — настоящее. Осипу Рынкевичу удалось найти жену среди своих земляков. Ею стала украинская девушка Мария Гаврилюк, приехавшая в Австралию с родителями в 1913 году, они познакомились в Русском клубе в Брисбене.

Но самой неординарной оказалась история Устина Гловацкого. В 1927 году он отправился в Лондон и получил работу смотрителя в Англо-польском банке. Вскоре его перевели в Варшавское отделение банка. Здесь он и познакомился со своей будущей женой Стефанией, которая была моложе его на 22 года. Их младшая дочь Барбара рассказывает: «Когда произошел крах на бирже, семья матери пришла в банк просить о займе, им нужны были деньги, чтобы спасти их бизнес. Отец сказал им: “Если вы отдадите замуж за меня свою дочь, я выплачу все ваши долги”. И сдержал свое обещание. А она уже была помолвлена со студентом. Но была такой же, как мы все. На первом месте для нее была семья. Она вышла за отца замуж в 1930 году». Вскоре у них родились старшие дочери Тереза и Ольга. Над Европой уже сгустились грозовые тучи войны, но Гловацкие не знали, что судьба уготовила на их долю...

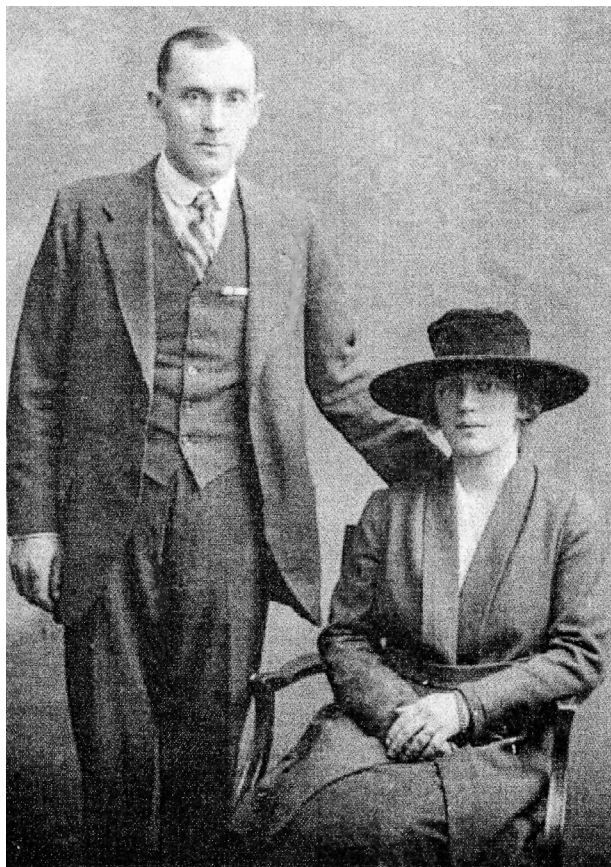
Белорусские австралийцы

Сохранение своей самобытности было непростым делом для белорусов. В семьях с англоязычными женами процесс ассимиляции шел, конечно, особенно быстро. Несомненно, что важную роль играла возможность контактов со своими земляками, но не менее важна была и установка самого человека. Полное отсутствие контактов у Виселенского со своими земляками объясняется тем, что он был единственным россиянином среди 900 фермеров Ред Клифа, поселка ветеранов Первой мировой к северу от Мельбурна, в Виктории. Леошкевич, несмотря на женитьбу на австралийке, сохранял круг русских друзей. Его сын вспоминает: «У нас было много русских знакомых, дядя такой-то, тетя такая-то — в районах Вильямстоун и Ньюпорт под Мельбурном, где мы жили, было много русских». Дружба Фавста Леошкевича с Василием Грешнером, начавшаяся на «Гунде», сохранилась на протяжении всей жизни. Леон помнит, как он ходил со своим отцом в гости к «дяде Василию и тете Лене»: «Как они замечательно спорили по-русски! Я любил слушать их русские споры, обычно о политике. А потом неожиданно в их разговор вплетались английские слова, я так и не знаю, почему они прибегали к английскому — то ли они забыли русский, то ли английский казался им более выразительным». Надо сказать, что им было о чем поспорить — Василий Грешнер в 1934 году съездил в Советский Союз повидать своих родных, был арестован и чудом вырвался из жерновов ГУЛАГа; не миновал ГУЛАГа и старший брат Фавста, Петр Леошкевич, участник Белого движения.

Принадлежность к православной церкви играла определенную роль в сохранении своей самобытности в судьбах некоторых из наших героев. Фавст Леошкевич, например, православную иконку, которой благословила его мать, когда он отправлялся в плавание, подарил перед смертью жене своего сына, австралийке. Она принесла ее на открытие памятного знака, посвященного российским анзакам, в 2007 году в Мельбурне. Хотя она и не говорила по-русски, для нее, как и для ее свекра, эта иконка была святыней. Александр Майко, живший под Сиднеем, среди россиян друзей не имел, но тоже на праздники ездил в православную церковь в Сиднее. В греческой православной церкви в Сиднее обручился и Павел Зиневич со своей женой-англичанкой. В день двадцатипятилетия их венчания они поместили объявление в газете в память о том знаменательном для них дне.

Другие, как, например, Вильям Деонк, пошли по пути полного погружения в австралийскую жизнь. «Он оставил все это позади», — ответила на мой вопрос о его контактах с россиянами Дороти, его дочь. В общем-то, так же относились к прошлому и другие анзаки. Когда сын пытался расспросить его о русском прошлом семьи, Фавст Леошкевич всегда прекращал разговор, приговаривая: «Что было, то бывшем поросло».

Аналогичные процессы ассимиляции, перехода на английский язык, использования английских имен для детей, происходили и в семьях евреев из Бела-

Вильям Деонк с женой.

руси; для некоторых из них эти перемены начались даже раньше, еще до войны — например, семьи Мирского и Прусова жили до переезда в Австралию в Англии. Семья Нормана Майера вращалась в высшем свете Мельбурна и прославилась на всю Австралию своим меценатством и ролью в «большой» политике страны.

Хоть и не в такой степени, как у Майера, но подобное же вовлечение в жизнь австралийского общества происходило и у других анзаков. Устин Гловацкий «по воскресеньям обычно ходил на Домейн, — рассказывает его дочь о жизни в Сиднее после Второй мировой войны. — Он никогда не забывал о политике. Он не был социалистом, но верил в право человека на свободу. Был близко связан с лейбористами и профсоюзным движением и всегда голосовал за лейбористов. Нам казалось это довольно странным, потому что у него на стене висела

фотография царской семьи, и в то же время он голосовал за лейбористов. Моя мать вбивала нам в голову, что лейбористы — это те же коммунисты, она всегда голосовала за либералов. И каждый раз перед выборами мы, трое детей, должны были сидеть под грушей в саду, пока родители спорили». Осип Рынкевич тоже интересовался политикой и оставался верным идеалам своей юности — он состоял членом Коммунистической партии Австралии даже в те годы, когда она была запрещена. Однако примирял это со своим католическим воспитанием — долгие годы он поддерживал местную католическую церковь финансово, но службы не посещал. А вот Лео Берк, стоявший на умеренных позициях, подвергся ostracism со стороны русской общины в Брисбене, которая подозревала его в доносах австралийским службам безопасности. В конце концов, женившись на немке, он вынужден был перебраться в отдаленный район Квинсленда, в Равеншоу, и работая на лесопилке, оставил свое русское прошлое — прошлому.

Семьи Осипа Рынкевича и Устина Гловацкого были единственными, передавшими родной язык детям; в обоих случаях решающая роль принадлежала женам-славянкам. В тех краях, где поселился Осип, на севере Квинсленда, осело много россиян, да и его украинская жена Мария (которую в семье звали Анни) имела семь братьев и сестер. Внучки до сих пор помнят имена их русских друзей — Джека Вагина, русского анзака, и семью Аверковых, чей сын служил вместе с Осипом и был убит на Западном фронте. По выходным, вспоминают внучки, Осип любил пропустить стаканчик пива или виски и потом распевал с Анни русские песни. А какое веселье было, когда приезжал ее брат Вальтер в казачьем костюме и отплясывал казачьи танцы! Неудивительно, что Осип с Анни говорили

по-русски, и русский был главным языком их сына Валентина до тех пор, пока тот не пошел в школу; даже их внуки помнят, как все трое разговаривали между собой по-русски. «Однако, — пишет их внучка Мари, — нам кажется, что Осип и Анна хотели, чтобы их семья ассимилировалась и приняла австралийский стиль жизни; они не учили своих внуков говорить по-русски, но в то же время Осип не стеснялся своего русского происхождения».

Последняя фраза у Мари неслучайна. Подозрительное, а то и негативное отношение к россиянам на протяжении всей жизни наших анзакров и со стороны властей, и со стороны населения было очень сильным. У Вагина, друга Рынкевича, например, австралийская полиция конфисковала дневники, которые он вел на протяжении многих лет, в том числе и на фронте. Некоторые наши анзаки принимали вызов с юмором, в стиле австралийских анзакров. «Стоило кому-нибудь обозвать моего отца “чертовым русским”, — рассказывает сын Фавста Леошкевича, — он тут же отвечал: “Вот именно, да и Иван Скавинский Скавар к тому же”». А надо вам сказать, что это была похабная военная песенка о русском герое-головорезе. И когда отец так говорил, все начинали смеяться, и этим все и кончалось. А если у него спрашивали: “Вы — красный русский или белый русский?”, отец отвечал: “Розовый”. Он всегда все сводил на шутку. Стоило кому-нибудь обозвать его Иваном, он тут же отвечал: “Да, Иван Грозный”. Я помню, — мне было тогда лет двадцать, — у отца кто-то спросил, как он относится к коммунистам. Он ответил, что к ним никаких теплых чувств не испытывает, но вот Пугачев ему нравится. Меня это заинтересовало, и я спросил у отца, кто такой Пугачев, и он объяснил мне, что тот был вроде австралийского бушрейнджера Неда Келли во времена Екатерины Великой». Тут надо пояснить, что бушрейнджеры — это австралийские лесные разбойники, которые, как Робин Гуд, грабили богатых и помогали бедным. По крайней мере, такими их рисует австралийский фольклор.

Помогало завоевать доверие не только острое словцо, но и соседство, совместный труд, перераставший в дружбу. Маргарет, дочь Виселенского, пишет: «Мы всегда знали, что отец родился в России, но в этом не было ничего особенного. Мы не чувствовали, что в Ред Клифе мы были в чем-то отличными от других. Что касается отношений отца с местными жителями, так мы сами и были местными жителями. Все поселились на этих участках примерно в одно время, все имели разное происхождение, а связывало их между собой то, что все они были фронтовиками». Это именно то ощущение пионерства на земле, о котором мы уже говорили. Но связывала их с австралийцами и принадлежность к племени анзакров. Маргарет помнит, как отмечали в их поселке День Анзака 25 апреля: «Это был особенный день. В Мельбурн шли специальные поезда, и почти все мужчины из нашего поселка отправлялись туда, чтобы пройти с парадом по городу и встретиться со своими товарищами... Мы не могли дожидаться возвращения отца, т. к. его сумка всегда была полна игрушек и всего такого для нас, детей». А еще Маргарет вспоминает, что родители зачастую проводили вечера с соседями, собираясь друг у друга, играя в карты и общаясь. В один из таких вечеров сгорел их дом, и Виселенские остались в чем стояли. На помощь им тут же пришли и соседи, и Лига фронтовиков — собрали деньги и отстроили дом.

Наши анзаки, ежедневно общаясь с окружающими их австралийцами, по крупицам наработывали тот невидимый слой доверия и уважения, который постепенно изменял общественное мнение и делал австралийцев более терпимыми к иммигрантам. Иногда, впрочем, это становилось очевидным только на их похоронах. «Отец был бы поражен количеством людей, пришедших на его похороны, — рассказывает Берил, дочь Александра Майко. — Он не представлял, как много людей его знали и любили». Точно так же дочери Устина Гловацкого запомнилось, как их многочисленные соседи на похоронах отца говорили: «Другого такого джентльмена никогда не будет».

Детям и внукам наших анзакров, не привыкшим говорить возвышенными словами, с трудом удастся передать мне — человеку из другой страны и из другого

времени, — что значило «тогда» быть австралийским анзаком. Лишь однажды Леон, рассказывая мне о своем отце, Фавсте Леошкевиче, разговорился и произнес целую тираду о различиях между тогдашними и нынешними людьми. «Мой отец был настоящий австралиец — не такой, как сегодняшние австралийцы. Мне сегодняшние и самому не по нраву. Он был австралийцем старой закалки. Вы знаете их идеалы: честность и справедливость, да, он был таким настоящим старым диггером (фронтовиком). И он не был пустозвоном — вы понимаете, что я имею в виду? Это очень трудно объяснить тем, кто не общался с ними, кто не жил рядом со старыми солдатами. У них было совсем особое отношение ко всему. Вот диггеры Второй мировой войны — они были такими же, но после этого в нашем обществе все покатилося вниз. Эти идеалы честности и справедливости — мы по ним уже больше не живем. Теперь очень трудно говорить с людьми: все, что их интересует, — это деньги, успех и рассказы о том, какие они замечательные люди... Мне вчера исполнилось семьдесят лет. Я все еще помню тех, настоящих людей, и не думаю, что среднего молодого человека нашего времени можно назвать настоящим человеком».

То, о чем говорил Леон, не было различием между русскими и австралийцами, это было различие между австралийцами и австралийцами. Для наших анзаков ассимиляция состояла не просто в отказе от их родного языка, обычаев или религии и в замене их австралийскими реалиями. На фронте они, как и их австралийские товарищи, превратились в диггеров — а в это слово, как и мы в слово «фронтовик», австралийцы вкладывают особый смысл. В этом они и их австралийские товарищи были равны, и те, и другие стали настоящими австралийцами именно на фронте, и остальные иммигранты были им не чета. И кочуя по стране в поисках заработка в трудные послевоенные годы, российские анзаки носили в кармане на груди свидетельство об увольнении из армии, а не свидетельство о натурализации. Разве не доказали они верность Австралии кровью на поле боя?

Вторая мировая

Но пришел день, когда Австралия снова напомнила им, что они все еще — чужаки. Вспоминает Маргарет, дочь Петра Виселенского: «Когда началась Вторая мировая война, отец вступил в Добровольческий корпус обороны, но к тому времени, когда Россия вступила в войну, отец не был натурализован. В один прекрасный день к нашей ферме подъехала новенькая машина. Поскольку мы жили в миле от главной дороги, это уже само по себе было событием. Из машины вышли три человека, взяли нашего отца и увезли. Мы, дети, были ошеломлены и перепуганы, когда мама сказала нам, что отца арестовала федеральная полиция, потому что он русский. Она понятия не имела, куда его повезли и когда мы снова его увидим. Как же нам было страшно! Они еще забрали его оружие — дробовик и ружье 303-го калибра, вещи, нужные в хозяйстве на такой ферме, как наша, — а также его форму добровольца корпуса обороны. Очевидно, все это они сочли подозрительным.

Нам пришлось вручную доить сто с чем-то коров дважды в день. У нас были доильные аппараты, но они работали на бензиновом моторе, а у мамы, как она ни старалась, не хватало сил, чтобы его завести!

Через день-другой отца привезли домой с формой и ружьями. Оказалось, что вмешалась Лига ветеранов, они подписали нужные бумаги и потребовали, чтобы его немедленно отпустили. Таким образом, он получил возможность вернуться домой. Тот факт, что он воевал за Австралию в Первой мировой войне и был в добровольном корпусе обороны во Второй мировой, а также то, что его сын теперь сражался в Австралийской армии на Тихом океане (если он вообще еще был жив), ничего не значили для федеральной полиции, но это был не пустой звук для Лиги ветеранов».

История Виселенского не была исключением. С началом войны статус ненатурализовавшихся анзаков, таких как Деонк, Гловацкий, Жабинский, опять стал камнем преткновения. Но вот сыну Александра Майко подозрительность властей сослужила добрую службу. Когда в 1944 году восемнадцатилетний Франк подал заявление на вступление в авиавойска, от него потребовали подтверждения о натурализации его отца. Когда копия документа была, наконец, получена, Франка зачислили в авиаотряд, но он уже не успел попасть в последнюю группу, которую послали на фронт через Канаду. «Он очень жалел об этом, — вспоминает его сестра Берил, — но как знать, может быть, это спасло его жизнь!»

Кроме Виселенского еще двое из белорусских анзаков служили в Австралийской армии во Второй мировой войне. Самуилу Гунзбургу из Минска, родившемуся в самом конце XIX века, пришлось ждать чуть ли не до самого конца Первой мировой войны, прежде чем его приняли в армию, но на фронт он так и не попал — когда он тренировался, в лагере объявили перемирие. Макс Тортсан из Несвижа был натурой непоседливой; несмотря на молодость (он родился в конце 1890-х), он успел повоевать в Африке, где он жил с семьей, дважды вступал в Австралийскую армию в Первой мировой войне и дважды был судим военно-полевым судом за самовольные отлучки. Но когда началась Вторая мировая, он поспешил снова вступить в армию. В этой войне Тортсан и Гунзбург, как и Виселенский, прослужили по несколько лет добровольцами в корпусе обороны, ведь Австралии в те годы грозило вторжение Японии, и каждый опытный ветеран был на счету.

Семью Гловацких война застала в Европе. Устин был эвакуирован из Варшавы незадолго до начала войны вместе с банком, где он работал, а Стефания с девочками Терезой и Ольгой в это время находилась в доме отдыха около Бреста и не успела вовремя выехать. В 1939 году они оказались на территории, занятой советскими войсками, которая вскоре была оккупирована немцами. Гестапо арестовывало Стефанию три раза: очевидно, были доносы о том, что она еврейка, хотя в действительности она была полькой. На случай ареста она с детьми придумала специальный язык жестов и научила дочерей, что в случае опасности они должны бежать в разные стороны (так было больше шансов, что хоть одна из них выживет); разбегаясь, знаками они договаривались, где встретятся. Трижды ей удавалось вырваться, и каждый раз она находила своих детей после многих испытаний. Их рассказы о пережитом настолько тяжелы, что я не решаюсь их воспроизвести. Упомяну лишь об одном случае, рассказанном мне Барбарой, младшей дочерью Стефании, родившейся уже после войны. «Как-то мать нашла на дороге убитую собаку. Она вырезала все мясо и приготовила суп для детей. Когда она вернулась назад, чтобы взять кости, от собаки уже ничего не осталось. Она горько сожалела, что не взяла сразу всю собаку». Так они и жили, и голод научил Стефанию и детей заниматься торговлей на черном рынке.

С приходом Советской Армии начались новые испытания. «Русские узнали, что мать говорит по-немецки, — рассказывает Барбара, — и ее стали посылать на немецкую территорию в разведку. Они отправляли туда красивых женщин, которые должны были ходить среди немецких солдат, предлагать им сигареты, заводить с ними знакомство и собирать сведения, которые нужны были советским войскам. Это было очень опасно. Некоторые женщины, которых отправили вместе с моей матерью, так никогда и не вернулись. Немцы не только насиловали таких женщин, но и убивали. У моей матери не было выбора, советские военные забрали ее детей и сказали: “Пока вы не вернетесь с информацией, вы их не увидите”». Стефания и на этот раз выжила. Вместе с советскими войсками они в конце концов добрались до Варшавы. «Мой отец все это время разыскивал ее, — рассказывает Барбара. — Красный Крест через британское посольство в Варшаве развесил объявления о розыске пани Гловацкой». По счастливому стечению обстоятельств британским консулом в Варшаве в это время оказался Франк Савери, родственника которого Устин вынес с поля боя в Галлиполи. Когда

Стефания с дочерьми была найдена, война уже кончилась, и ее в числе первых вывезли из Варшавы на немецком самолете. В Берлине ее встретил британский атташе, и их тут же переправили в Англию, где ждал Устин. Здесь, после шести лет разлуки, Устин наконец увидел своих дочерей-подростков, которых он оставил в Польше совсем детьми. Они пробыли вместе несколько месяцев. Стефания, которая ждала нового ребенка, хотела только одного — уехать как можно дальше от Европы. Они решили, что она с детьми первая поедет в Австралию, поскольку Устин все еще служил в британском флоте. Они не знали, что это еще не был конец их приключений и скоро им опять пригодится их язык жестов.

В поисках своей души

Наши анзаки были удивительным поколением, оказавшим огромное влияние на своих детей. Леон Леошкевич закончил свои воспоминания об отце, написанные по моей просьбе, словами: «Вот я все это написал и почувствовал, что даже сейчас, а мне уже стукнуло 70, мне не хватает отца. Это был удивительный человек. Он научил меня думать... Отец был одним из немногих, кого я по-настоящему уважаю и все еще стою в его тени».

Уроки, которые анзаки дали своим детям, совсем не простые. И здесь мы опять вернемся к истории семьи Гловацких.

Итак, в 1946 году беременная Стефания Гловацкая с дочерьми Терезой и Ольгой отправилась на корабле из разоренной войной Европы в Австралию. Устин взял для них билеты до северного Квинсленда, где когда-то купил участок земли. Он вскоре должен был окончить службу в Британском флоте и присоединиться к ним. Их дочь Барбара рассказывает: «Мама доехала до Фримантла и подумала: “О Боже, я хочу вернуться домой!” Корабль шел дальше, и из всего, что она видела, Сидней ей понравился больше всего. Кто-то на корабле ей сказал: “Если вы поплывете дальше на север, то это будет опять вроде Фримантла”. Тогда мама решила: “Лучше я выйду в Сиднее”. И вот они сошли в Сиднее с корабля, но их там, конечно, никто не встречал. Они дошли до Гайд-парка и прожили там две недели. Они не знали ни слова по-английски. Каждый раз, когда они видели полицейских, им казалось, что это гестапо, и они прятались. И тут у мамы начались роды, прямо около фонтана Арчибалда в Гайд-парке. Кто-то заметил, что маме плохо, и вызвал “скорую помощь” и они увезли ее в больницу. А Тереза и Ольга, еще совсем девочки, когда увидели “скорую помощь” и полицию, спрятались в кустах, потому что все эти годы в оккупации мама говорила им, что если появляются мужчины в форме, надо бежать от них в разные стороны и прятаться. У них был специальный язык жестов, и они условились встретиться через несколько часов».

А тем временем в больнице у Стефании родилась Барбара — одна из последних детей наших анзаков. «Когда она пришла в себя, — продолжает Барбара, — начала плакать. Никто не мог понять, на каком языке она говорит. К ней позвали женщину из России, но та начала говорить с ней по-украински, и тут моя мама просто застыла, ведь это украинцы сдали ее в гестапо. Тогда украинка нашла польку. И полька уже выяснила, что она жила в парке около фонтана и там остались ее дети. И тогда полиция начала поиск ее дочерей. Они ловили их четыре дня — они были дикие, буквально дикие, их было не так-то просто взять. В конце концов, их все-таки поймали и привезли к матери. Но когда мой отец добрался до Сиднея несколько месяцев спустя, у нас уже был дом, сестры пошли в школу, а я лежала в коляске». Мать часто говорила им: «Я прошла всю войну и я никогда ничего не просила». Так же она никогда не будет просить ничего и в Австралии.

Барбара вспоминает свое детство: «Когда я была дома, мне было очень хорошо в нашей семье. А вот когда я была вне дома, я не хотела, чтобы кто-нибудь из моей семьи был со мной. Это было очень тяжело, потому что я жила в двух мирах; и я никогда не могла их примирить. Когда мой отец умер, мы переехали в новый дом — роскошный, красивый. В то время мать зарабатывала свой первый миллион, и

она не хотела, чтобы я приводила домой друзей. Отец всегда готов был пригласить домой всю округу, а мама не хотела, чтобы в доме был кто-то чужой. Она не ценила друзей. Хотя она и болтала, и смеялась, у нее в жизни была одна цель — сделать как можно больше денег, чтобы я получила самое лучшее образование, вообще все самое лучшее». В то время Стефания уже начала скупать жилье и сдавать его внаем. Она еще успеет сделать несколько миллионов, но никогда не откажется от приемов жестокой экономии, которые она выработала в послевоенном Сиднее, — например, в конце дня она отправлялась на рынок с детской коляской, подбирая там все, что осталось на прилавках, экономя таким образом деньги на еду.

Семья Гловацких в Австралии.

«Когда отец умер, — вспоминает Барбара, — все плакали. А когда мама умерла, все говорили: «Слава Богу!» И я подумала, что это несправедливо. На похоронах отца было столько людей, все было так помпезно! Он был анзаком, и к нам пришли из Лиги ветеранов, они оплатили похороны, развесили флаги, салют из ружей — всю эту атрибутику. Еще даже волынщик был, играл «Последний пост». И вот ты думаешь — да, он заслужил все это, да, он был хороший человек, да, он был добрый, да, он любил мою маму, да, да, да. Но дело в том, что если бы мы полагались только на отца, мы бы кончили в канаве, потому что всю нашу семью подняла мать».

Эта борьба двух миров все еще продолжается в сердце Барбары. «С такой «семейной историей» я не хочу принадлежать ни к одному народу. Я принадлежу сама себе. Мне претит любой национализм», — говорит она. Барбара успешно занимается бизнесом и работает учителем истории. После выхода на пенсию она собирается открыть курсы для матерей-одиночек, чтобы научить их, как добиться экономического успеха в жизни своими силами. И она никогда не выключает свой мобильник — ее ученики могут позвонить ей в любую минуту, если им нужна помощь.

Молчание, нежелание говорить о прошлом присутствует почти в каждой истории наших анзаків. Почему отцы не рассказывали детям о своем прошлом? Конечно, к этому не располагало время, когда слово «русский» вызывало подозрения и ассоциировалось со словом «большевик». Часто отцы не хотели, чтобы дети повторяли их опыт, оказавшись между двух миров, как об этом говорит

Барбара Гловацкая. Ее семья была редким исключением — дома они говорили по-русски и по-польски, и Барбара даже ходила в русскую школу в послевоенном Сиднее, и все еще хранит свой русский букварь. Но потом, вспоминает Барбара, когда в австралийской школе она упомянула, что дома они говорят по-польски, отношение к ней резко изменилось. Это был урок на всю жизнь.

Мы уже говорили о молчании Нормана Майера, дети которого не знали даже, где он родился. Он, как и многие наши анзаки, был образцом австралийской политики ассимиляции. Но что такое ассимиляция? Можно ли сказать, что ты ассимилировался, если ты внешне не отличаешься от окружающих и вырос вне связи с языком, религией и историей своих предков? Казалось бы — да. Да, если бы не наша непредсказуемая душа. Она живет по своим законам, и семья, дремавшее в ней годами, может дать неожиданные всходы.

Это и произошло в семье Майеров. Когда я познакомилась с Памелой Варрендер, дочерью Нормана, посетив ее в их фешенебельном доме в Тураке, один из первых ее вопросов был:

— Объясните мне, что такое русская душа? В молодости один журналист сказал мне, что у меня русская душа, и я все время думаю об этом.

— А разве Вы не чувствуете себя австралийкой?

— Нет, да и мои дети все еще ищут себя.

В 1989 году Памела побывала в Петербурге по приглашению мэра Собчака и недавно издала свои дневники, которые рассказывают о ее путешествии в прошлое. Внук Нормана Род Майер совершил путь в другом направлении, о котором он рассказывает в очерке «В поисках моей еврейской души»: «Все эти разговоры о поисках своих корней всегда казались мне чем-то искусственным, попыткой оправдать уход от реальной жизни в мир каких-то надуманных эмоций». Но после поездки на родину его предков с ним произошла необъяснимая перемена. «Однажды ночью я проснулся и сказал себе: “Я — еврей”. Это было не столько религиозное чувство, сколько обретение себя и своего места в этом мире». Такие путешествия идут наперекор представлениям западного общества об ассимиляции. Да и можно ли ассимилировать нашу непокорную душу? И нужно ли?

Такое же путешествие совершила и Берил, дочь Александра Майко. «Когда отец умирал в 1960 году, он попросил меня поддерживать связь с его родными в Беларуси и побывать там, если я смогу, — вспоминает она. — Я должна была поехать в СССР по Транссибирской железной дороге, и лучше всего весной, потому что это будет самое красивое время! Он говорил мне о нежно-зеленых листьях, о цветах... Такой завет выполнить мне было совсем не просто — ведь я в то время не знала русский язык, не знала, где находятся эти родственники, и была матерью троих детей — 8 лет, 6 лет и 1 год... У меня ушло 16 лет на то, чтобы выполнить это предсмертное пожелание отца... В 1972 году я начала учить русский язык, в 1973-м Красный Крест помог нам найти наших родственников в Беларуси, и мы начали с ними переписываться, и наконец, в 1976 году мы отправились в путешествие по Транссибирской железной дороге. Мы с мужем остановились в Минске в гостинице и побывали в гостях у наших родственников, живших в Минске».

Деревня Затитова Слобода, затерявшаяся среди лугов у реки Березины, и старый дом, откуда Александр Майко начал свое эпическое путешествие 65 лет назад, так и остались за пределами досягаемости для Берил — это были Брежневские времена, и власти, «к сожалению, не разрешили нам посетить деревню отца, — говорит Берил. — Я до сих пор жалею об этом». Но к ним пришел посланец из прошлого — Анна, любимая сестра Александра, единственный лучик света в его тяжелом детстве. Она все еще жила в Затитовой Слободе и отправилась в Минск, чтобы повидать свою племянницу. «Глаза у Анны были голубые, как у отца. Когда мы покидали Минск, она принесла нам копченый окорок своего изготовления, чтобы мы взяли его с собой». Это, должно быть, был весь

зимний запас мяса у Анны, но она, не колеблясь, привезла его из деревни, чтобы ее племянница не голодала на долгом пути в Австралию... Как много значила для Берил эта простая белорусская крестьянка! В тот день она записала в дневнике: «Это был один из самых счастливых дней в моей жизни. Встреча с родными моего отца — это было то, ради чего я работала, учила русский язык и о чем я мечтала долгие годы!» В другом месте она пишет: «Сидя там, в окружении родственников, я поняла слова “кровь не водица”. Это же чувство Берил испытала и несколько лет спустя, уже во времена перестройки, когда у них в Австралии побывали их родные из Беларуси. Это были люди другого времени, не похожие на Анну и ее отца, но они все знали самое главное — каков бы ты ни был, ты принадлежишь семье. Как и родине.

Я не удивилась, узнав недавно, что один из молодых членов их семьи хочет восстановить правильную форму их фамилии — Майко, ведь в Австралии их фамилию превратили в Майк.

А поиск продолжается. Леон Леошкевич на свою крохотную пенсию заказал дорогостоящие документы из Военно-исторического архива в Москве и наконец-то узнал о героических подвигах своего деда полковника Павла Илларионовича Леошкевича в боях под Шипкой в армии Скобелева.

Пока я работала над очерком, произошло и радостное воссоединение российских Рынкевичей, прочитавших о моем поиске в Интернете, с их австралийскими родственниками. После отъезда Осипа в Австралию его брат Исидор поддерживал с ним переписку, но в 1930-х годах ее пришлось прекратить. Увы, это не спасло Исидора, в 1938 году его арестовали и расстреляли как... латвийского шпиона, ведь его родина (Режица/Резекне) в то время оказалась на территории буржуазной Латвии. Но закончим мы эту историю на радостной ноте. Когда Валентин Осипович Рынкевич, человек пожилой и почти ослепший, узнал, что в далекой Сибири живут его двоюродный брат, сын расстрелянного Исидора, и куча племянников, его первым желанием было тут же отправиться к ним в гости. Вскоре его дочь и внучка побывали в гостях у сибирских Рынкевичей, и один из тысяч мостов, разрушенных «веком-волкодавом», наконец-то восстановился.

А семьи Петра Виселенского и Вильяма Деонка все еще ждут и надеются найти своих родных в далекой Беларуси, узнать о своих истоках...

Встреча Берил и Анны в Минске.